

ВИКТОР
ЯГОЛЬНИК

ПОЛЕТ
ЗА ТОЧКУ

НЕВОЗВРАТА

Оступился, упал — гипс. Это же здорово! Вам повезло! А вот если оступился и... попал в другой мир? Тогда уже не важно: он параллельный или перпендикулярный! Он чужой! Он враждебный. И вот в такой мир, в эпоху общинно-родового строя, в племя дириков случайно «залетает» подвыпивший летчик II класса Сергей Малыгин, провалившись в открытый люк канализации. С большими трудностями ему удалось выжить в непривычных условиях жизни племени дириков. Конфликт с местным Колдуном перерастает в смертельную опасность для Сергея и вынуждает его бежать с охотником Бару через перевал в королевство Карвола III. Очутившись в центре вражды главенствующих Домов Корадо и Эразов, ему пришлось отчаянно бороться за свою жизнь.

Неожиданные повороты сюжета, погони, интриги, борьба с лицемерием и злом, похищения, драки и поединки — все это проходит через жизнь главного героя. Это рассказ о красивой любви его и дочери графа, рассказ о чести и долге. И только смекалка, мгновенная реакция на ситуацию, способность приспосабливаться, сила, ловкость и обязательно сопутствие удачи помогают нашему герою найти себя и выжить в этом новом мире.

Виктор Ягольник

ПОЛЁТ ЗА ТОЧКУ НЕВОЗВРАТА

В ноябре 2016 года в Египте будет запущен глобальный научный проект. Эксперты из Японии, Америки и Европы просканируют Великие пирамиды. Исследование поможет выявить помещения, скрытые под ними. Предполагается, что там находится «машина времени» — энергетический портал, дыра между параллельными мирами.

*ПОСКОЛЬЗНУЛСЯ,
УПАЛ — В ПОРТАЛ*

*ПАМЯТИ НЕ
ВЕРНУВШИХСЯ ИЗ
ПОРТАЛА
ПОСВЯЩАЕТСЯ*

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ ДИРИКИ

ПОРТАЛ

По техническим причинам аэропорта города N вылет рейсов № 2392 и № 3787 задерживался на два дня. Экипажи этих рейсов в полном составе собрались в одном из номеров аэропортовской гостиницы. Посовещавшись, они решили общими усилиями закрепить в своей памяти рекомендованное «верхним» начальством наставление «Психофизиологические и психические особенности пилотов гражданской авиации, подвергшихся длительному воздействию экстремальных факторов чрезвычайной ситуации, и пути их коррекции».

Вот так-то! А почему бы и нет? Ну, а раз надо корректировать, так будем корректировать!

Через час на столе было все, что можно выпить и все, чем можно закусить. А чтобы часто не бегать в гастроном, первого было на столе больше, чем второго.

Разлили «горючку» по стопкам и мы дружной «стаей» окружили стол. Стоим. Минута тишины.

— Ну! Полетели!!! — сказал наш командир.

— Полетели!!! — согласился командир второго экипажа.

И мы дружно полетели!

Потом пили за милых дам, потом за наших командиров, а затем за знаки зодиака, начиная с козерогов.

В общем, все было в дыму, слышался смех, несвязанные речи и звон гитары. Возле стола пока еще стойкая четверка, придерживая друг друга за плечи, напевала:

Снова вместе
собрались,
Выпили, запели.
Наливаем всем, кто
пьет,
Стаканы запотели.

Кто-то шушукался в углу и обнимался, кто просто сжимал стакан и глубокомысленно глядел в пространство, а кто-то уже храпел на диване в прихожей. Можно было считать, что все почти расслабились, хотя, до состояния: «...ты меня уважаешь...» или: «я бы в разведку с тобой пошел» еще не дошли. В единственном кресле, полуразвалясь, сидел второй пилот Сергей Малыгин. Он брэнчал на гитаре и периодически с выкриком напевал.

Эх! Раз! И не раз!
Мы летали на
Кавказ!
Украина, ты
свободна
За границей все
сейчас.

Эх! Раз! И не раз!
Крым пока еще у
нас.
Далеко Париж и Рим,
Мы летим сегодня в
Крым!

— Слушай Серж, ты кроме этого еще
что-нибудь можешь? — спросил бортинженер
Костя.

— А шо! Могу! — и снова прокричал:

Надо мной мерцают
звезды,
Звезды Зодиака.
Дома с нетерпением
ждут
Жена и собака.

— Ладно, Серега, кончай страдать! Ведь ты же не женат! Давай просто выпьем, — перебил его снова Костя.

— Во! Это уже конструктивно! Слушай! Неужели я так противно пою?

— Да нет! Нормалек! Только очень громко.

К нам подошли двое из соседнего экипажа, и мы выпили еще две бутылки уже всей компанией. И тут Сережа снова как выдал:

От моря и до моря,
От горы и до горы
Это наша Украина
В ней живут одни
хохлы.
Мы все за
демократию,
Мы дети одной
матери...

Тут уж поднялся такой шум от удивленного «Ты че, Серж, совсем!» до вежливого «Заткнись!». Сергей полуприкрыв глаза, осмотрел всех и сказал:

— Но вы же ничего не заказываете! — а после паузы спросил:

— Ну, так что же хочуть леди и джентельмены услышать?

И тут каждый стал предлагать свое, а Лариса,

наша стюардесса, которая давно положила глаз на Сергея, взяла его за руки и томно попросила.

— Сережа, для меня. Серенаду.

— Для тебя, что захочешь, — сказал Сергей и запел. И неплохо запел, учитывая выпитое. И вдруг почти в конце куплета он оборвал серенаду.

— Е-мое! Как здорово, что вы мне напомнили! Помните Светку Краевскую? Ну, стюардессу нашу! Она два года как уволилась и уехала в этот город. Она звала меня в гости, и даже адрес дала. Во, куда я сейчас пойду серенадить!

— Да ты че, Серж! Ты на ногах еле стоишь.

— А что ты сможешь в таком виде?
Ха-ха-ха-ха!

— Да поздно уже!

— Все! Все! Больше ему не наливайте!

— А вдруг нарвешься на кулак в двери!

Что только ему не выкрикивали с хохотом и чувством, но Серега уже нацепил на лоб фуражку, взял со стола бутылку вина, а из графина вытащил букет цветов. И уже на пороге, глупо улыбаясь, прокричал «А-а-дье-е! Прифет!» и выскочил из номера.

Сергей сел в первое такси, стоявшее у подъезда гостиницы, и начал рыться в карманах. Водитель молча смотрел и ждал. Наконец Сергей выудил из карманов записную книжку и со словами

«Счас, счас! Найду» — листал ее постранично.

— О! Вот! Нашел! Улица Гашека, 15.

— Только шеф, останови метрах в 100. Я к девушке с сюрпризом приехать хочу.

Водитель понимающе кивнул, нажал на газ и повез почти сразу заснувшего Сережу.

— Все! Все! Просыпайся! Приехали! — говорил водитель и тряс Сергея за плечи.

— А! А! Что? Приехали? Куда приехали? Да никуда я не пойду, я спать хочу, — промычал Сережа и откинулся досыпать.

— Так ты же сам просился на Гашека. Все про Светку какую-то бормотал.

— А? Светку! Точно, вспомнил. Выхожу шеф. Все! Сюрприз будет полный! Ха-ха-ха-ха! Дальше я сам пойду.

Водитель улыбнулся, махнул рукой, развернулся и уехал. А Серега с бутылкой в одной руке и цветами в другой, шатаясь из стороны в сторону, пошел к дому 15. Впереди и несколько слева предательски чернел люк. Сразу видно было, что здесь поработали металлисты. Но Сергей не знал об этом, вернее он ничего не замечал. И когда в очередной раз его потянуло влево, нога наступила на предательски чернеющий круг.

Сначала раздался звон разбитой бутылки, потом слышались стандартные фразы о матери и близких родственниках, потом глухой всплеск. И

только осколки стекла, разбросанные цветы и летная фуражка у люка напоминала о том, что здесь спикировал летчик.

СЕРГЕЙ

Когда я ударился левым бедром о край люка, то понял, что не сплю, когда ударился правым плечом, а потом головой, то почти сразу протрезвел, но когда ударился костяшками ног о какие-то скобы и еще какие-то выступы, то понял, что куда-то падаю. После этого я плюхнулся во что-то жидкое и вонючее.

Окунувшись с головой, я почти сразу вынырнул, так как одной ногой ударился о дно. Я попытался встать, но ноги все время скользили и я падал в эту жидкую вонючку. В полумраке слегка блестели стенки то ли трубы, то ли желоба, а вокруг меня колыхалась жидкость с каким-то рвотным запахом. Нет! Это не сон и надо было как-то выбираться из этого дерьма. Представляю, что подумают обо мне, когда найдут мое тело. Как это пишут или говорят в таких случаях: «Погиб при исполнении...» или «Сгорел на работе...». Лучше было бы «Выходил последним из пылающей машины и не успел...» Но не так же: «Это был его последний полет в...»

Да! Серега! Долетался! Это же надо так

спикирнуть в канализацию!

Я попытался ухватиться за что-нибудь руками, но они попадали на слой отвратительной слизи, и я инстинктивно их отдергивал обратно. Иногда мне удавалось передвигаться на ногах, и я снова пытался ухватиться за неровности желоба, но руки соскальзывали, я терял равновесие и падал в эту жижу.

Ну, за что меня и кто так наказал? Ведь я же никому ничего плохого не сделал. Я просто шел к Светке.

А течение меня куда-то тащило и тащило. И ничего почти не видно!

Очевидно, прошло мое шоковое состояние от падения, и я почувствовал боль в боку и в плече. Я почти припадал на левую ногу, и цементной тяжестью наливалась голова. В общем, если не выберусь в ближайшие полчаса, то мне будет «кирдык». Когда я упал очередной раз, мне уже не хотелось подниматься. Я просто перебирал ногами по дну, а рукой скользил по слизистой стенке желоба.

Уже вроде бы и не воняло кругом, да и какая разница, где что плывет. Вдруг левая рука зацепилась за что-то. Пальцы мгновенно вспомнили свое назначение и сразу же обхватили зацепку. Я развернулся боком и дотянулся туда второй рукой. Это была скоба, вбитая в стенку желоба. В почти

сплошном мраке было трудно ориентироваться, но я попытался выбраться из этого вонючего потока. Поджимаясь, скрепя зубами от боли, я шарил правой рукой вверх и нащупал другую скобу. Уцепился, за нее, подтянулся и передохнул. Появилась надежда.

Ведь кто-то эти скобы закрепил не просто так. И я со стоном, с матом и еще с чем-то продвинулся вверх еще на одну скобу. Господи, ни я, ни мои ноги уже не касались текущего подо мной дерьма!

То ли на меня накатилась волна радости, или я начал обсыхать, но мне стало тепло и хорошо. Я вспомнил, что так обычно замерзают и начал энергично искать следующую скобу. На нее я наткнулся рукой почти сразу. Схватился за нее, а она вдруг поехала влево от меня, как будто там что-то открылось. Я действительно вверх нащупал руками отверстие, подтянулся к нему и влез. Тут уж совсем меня силы покинули. Все! Не могу двинуть ни рукой, ни ногой. Попробовал перекатиться на спину, но меня пронзила такая боль, что я сразу затих и долго не двигался.

Итак, то, что я на верном пути у меня не было сомнений. Интересно, в каком районе города я вылезу?

Почему-то вспомнилась Светка. Интересно, как бы она отреагировала, если бы увидела меня в таком виде. Наверное, ее бы стошнило! Ага! Как на

коне, да с коньяком и цветами, так «здрате Вам, и с удовольствием», а как в дерьме, так ее сразу и стошнило! Ну, бабы!

И тут я зашелся в истерическом хохоте от этого идиотизма. Меня просто трясло от смеха, или это я так пытался согреться. Не знаю.

Подожди, подожди, Сережа. Ты сначала выберись, а потом и разбирайся, кто кому люб. Ну и лох, же я! А! Лежу в дерьме и рассуждаю. Очевидно, что-то во мне сломалось и надо сделать попытку проползти еще немного.

И я полз по трубе, передыхал и снова полз. Вон, кажется, посветлело впереди. Неужели конец трубы? Скорей бы уж! И вроде силы добавилось. Стало видно, что труба была, как бы законопачена комком из травы, мха и еще чего-то. Я подполз ближе, стал на колени и двумя руками резко налег на эту зелено-серую массу. Я увидел небо, кустарник внизу и с криком полетел вниз головой.

Малыгин Сергей, 29 лет, холост, пилот 2 класса. Рост 188 см.

Характер не истерический, коммуникабельный и даже веселый.

Хорошо играет на гитаре. Поет громко. Пьет редко, но бесконтрольно. После четвертого стакана виски с пивом сразу выпадает в осадок.

Когда учился в школе, откликался на кличку

«Серый». Еще в 7-м классе начал ходить в секцию «Самбо» и, выступая за юношескую сборную области, получил звание «мастера спорта».

Пользуется успехом у девушек, чем и пользуется. Сейчас летает вторым пилотом. В экипаже его любят и особенно стюардесса Лариса. Он ее любил, любил и охладел. А она нет. Сейчас он любит Оксану из другого экипажа.

На вопрос: «До каких пор он будет летать одиноким соколом по райским кущам?» — ответил:

— Считаю, что семьей обзаводиться рано. Вот стану первым пилотом, тогда и задумаюсь.

Вольному — воля!

ПРИШЕЛЕЦ

К нему иногда возвращалось сознание, и тогда Сергей слышал свой стон. Он попытался приподняться на руках, но острая боль в боку сбросила вспыхнувший огонек сознания в темноту.

— Смотри, смотри, там что-то в кустах шевелится.

— Где, где, тебе, наверное, показалось!

— Да нет же! Вон там, видишь, оно шевелится. Давай подойдем.

— Этот кто-то не из наших!

— Ой! А одежда у него какая! И на ногах

что-то непонятное надето!

— Не подходи близко! Чувствуешь, как он воняет! Это, наверное, пришелец.

— А помнишь, как под кривым Киром бревно подломилось, и он упал в яму. Так от него тоже воняло.

— Но не так! Нет! Он не из нашего мира. Наши так не воняют!

Это обсуждали увиденное приехавшие сюда за хворостом два дирика из племени ушастых. Их называли так за то, что у многих из них были большие уши. Может быть, поэтому среди них было много хороших охотников.

Снова вроде появился проблеск сознания. Через полузакрытые веки виднелись какие-то тени. Они шевелились и были слышны голоса.

«Неужели я вылез в свой мир, в живой мир?» — промелькнуло в сознании Сергея, и он бессильно откинулся на траву.

— А давай заберем его с собой!

— Ты же знаешь, что чужаков у нас или скармливают Кукугле или продают соседнему племени. А там тоже их не ежиками щекочут.

— Но ведь скоро у нас выборы старейшин. И наш хозяин говорил, что если кто приведет лишний голос, то тому даст четыре гривика.

— Как здорово! И откуда это влетело в твою голову? Только посмотри он весь в какой-то слизи и от него так воняет.

— Давай отволочем его в ручей, и пусть он там отмокнет и отмоеся.

Они палками протолкнули под пришельцем веревку, пропустили ее под мышками и поволокли к ручью.

Сергей не понимал, что с ним происходит и только иногда, вместе со стоном, прорывались сквозь слипшиеся губы разные слова: «Кто эти двое? Чего они хотят от меня? Да больно же мне! Зачем они волокут меня по земле? Где скорая помощь? Мне нужна скорая помощь!»

— Так, давай тащи его сюда на середину, а голову положи между этих двух камней, чтоб он не захлебнулся.

— Ты посмотри, какая грязная вода от него потекла!

— Это хорошо! Пусть мокнет, может чище станет.

— Я, кажется, лежу в воде. Даже легче стало. Только бок болит, — подумал Сергей и открыл глаза.

Струи ручья мягко обтекали его тело. Густой

кустарник почти вплотную подступил к воде. На берегу стояли двое дириков и настороженно всматривались в Сергея. Один длинный, другой пониже.

— Чего они хотят от меня? Кто они?

Сергей попробовал приподняться на локти. Вроде ничего. Так все болит, но терпимо. Сел и огляделся. Таким он себя еще никогда не видел. Весь в грязи, в остатках слизи и еще какого-то дерьма, от которого воняло. Он привстал на колени и начал снимать куртку. Затем стал, шатаясь, на ноги, снял рубашку и брюки. Все это бросил вниз, стал на колени и начал перетирать в воде руками и полоскать. Ну, как бы стирать. Сергей видел, что за ним с интересом наблюдали с берега. А, ладно! Чего там стесняться после всего, что случилось, и он снял с себя майку, трусы и тоже начал их стирать.

Сзади раздались возгласы:

— Ой-вой-вой! Ах-ах-ха! Ты посмотри на его голову!

— А что такое ты увидел?

— Как что? Да она же желтая, как сноп соломы!

— И, правда! У нас таких нет!

— Я же говорил, что он из другого мира!

— А может, нет, и он просто из другого

племени.

— Да нет! Там таких не бывает! Я вспомнил! Мне бабушка говорила, что, когда она была маленькой, то ей ее бабушка рассказывала, что у них появлялся такой же рыжий пришелец. Со временем он стал у них колдуном.

— Ну и что?

— А то, что она часто приговаривала: «Вот раньше как хорошо лечил колдун, не то, что сейчас».

— Так получается, что наш колдун — ученик того колдуна.

— Нет! Он ученик, того ученика, который был учеником у колдуна пришельца.

— Так сколько же лет твоей бабке.

— А! Совсем мало. Ведь она внучка той бабки, которая видела колдуна пришельца.

— Вой-вой! Ах-ах-ха! Верно, говоришь. Давай заберем нашего пришельца с собой. Мы его продадим хозяину за 10 гривиков. Это будет стоить почти 5 тележек хвороста.

— Точно! А если он колдуном станет, то он, может, и нам поможет. Как мы ему сейчас. Только давай подождем, пока он одежду высушит и оденется.

Прошло какое-то время, одежда, разложенная на камнях, высохла, и Сергей оделся. Короткий дирик нарвал какой-то пахучей травы, набросал ее в

телегу и с помощью длинного положил в нее пришельца. Затем длинный прокричал «И-и-и-го-го-го-и-и!», взмахнул на лошадь веревками и все поехали. Дорога петляла вдоль ручья и постепенно поднималась вверх. Сразу же за ручьем и мелким кустарником начинался лес, зелеными волнами уходящий к синеющим вдали горным хребтам.

СЕРГЕЙ

Где это я? На Кавказ вроде бы не похоже, а на Крым тем более. Да и спутники мои одеты в странные одежды и разговора я их не понимаю. Интересно даже, вот на их одежде нет пуговиц. Вместо них по обе стороны разреза висят цветные палочки и петельки. А что? На какую хочешь сторону хочешь на ту и застегивайся.

А вдруг это розыгрыш? По телику, иногда, и не такое разыгрывают. И так все естественно!

Да нет! Какой розыгрыш? С телегой и спутниками это легко, а вот окунуть меня в дерьмо — это уж слишком. Это — перебор! Да ведь и рейсы наши отменили неожиданно, а так бы мы улетели, и не было бы никаких вопросов. Да и вообще! Как сидели мы — помню. Как встретил таксиста — помню. А потом, как выключило! С чего бы это? Нет, это на розыгрыш не похоже! Так

что же это?

— Кукугла! — Кукугла! — Кукугла! — вдруг закричали мои спутники, размахивая палками. Расширенные зрачки их глаз казалось, выскочат из орбит то ли от страха, то ли от возмущения.

— Кукугла! — Кукугла! — Кукугла! — продолжали они кричать, глядя на противоположный берег, и я посмотрел в ту же сторону.

Там среди кустов мелькало какое-то странное существо. Оно было похоже на большую сороконожку. Нет! Скорее на громадную гусеницу, толщиной чуть больше полуметра и длиной метра три — четыре. Все тело «кукуглы» было густо утыкано большими иглами. Эта гусеница быстро перемещались на 12 коротких лапках, изящно лавируя между кустами, деревьями и валунами. Она дважды поворачивалась в нашу сторону, и я успел увидеть ее раскрытую зубастую пасть, над которой широкой гармошкой нависал кожистый бугор. Сразу же за ним извивались три щупальца. Один сверху, а два по бокам. Они все время двигались и как бы принюхивались или присматривались. Было что-то жуткое в этом существе — «кукугле». Наверное, не случайно так агрессивно-испугано на нее реагировали мои спутники. Особенно коротышка.

Вскоре мы были уже далеко от этого места, и только мои спутники продолжали оживленно лопотать на своем языке.

Да! На розыгрыш это никак не походило!

От тысячи вопросов, возникавших у меня в голове, я был близок к помешательству. Этот мозговой шторм совсем обессилил меня, и я откинулся на дно телеги. Прислушиваясь к оживленному говору моих спутников, я решил с ними познакомиться ближе. Если это розыгрыш, то, может, в процессе разговора кто-нибудь из них расколется.

— Эй-эй! — прокричал я и постучал рукой по их спинам. Они сразу повернулись и обрадовано залопотали, а потом остановили телегу.

— Я — Сережа! Я — Сережа! Я — Сережа! — повторял я и показывал на себя пальцем. Они согласно закивали, засмеялись, а потом длинный, показывая на себя, проговорил: «Гурнат», а потом показал на короткого и сказал: «Бару», — потом на меня: «Сериза!

Я замотал головой:

— Нет, я — Сережа!

— Сериза, — повторяли Бару и Гурант и громко хохотали.

Я снова отрицательно замотал головой. И тут я понял, что они не могут произнести звук «Ж» или мое имя похоже на что-то смешное. Это точно как

на Западе не звучит слово «Запорожец» или «Жигули», а где если и произносится, то с другим смыслом. Или, например, фамилии «Попеску», «Джопаридзе» или другие вызывают у нас улыбку. Это только в Польше запросто «Пше-пше, Бже-бже». Но какой из Польши Запад? Ладно, помогу им. Как там меня в школе называли? Серый. Ну, значит, я — Серый.

— Серый! Серый! — повторил я, показывая на себя.

— Сери! Сери! — снова улыбаясь, повторили эти два попугая.

Да не «Сери-Сери!», а «Серый», — прокричал я. Меня уже начала доставать такая тупость. Ну, как все было просто, а теперь вот так.

Хорошо. Упрощу задачу. Назову покороче: Сер. Ага! Сер-Сер! Да нет, это звучит хуже матюка. Уж, лучше тогда «Сэр». А шо?

— Сэр! Сэр! Сэр! — прокричал я, прикладывая к груди обе руки.

— Сэр! Сэр! Сэр! — радостно прокричали Гурант и Бару.

— Фу! Получилось! Познакомились! — радостно проговорил я и все довольные захохотали. Потом они показывали на лошадь, на телегу и другие предметы и называли их по-своему. Так мы ехали-ехали, а потом снова остановились.

Гурант и Бару показали палец у губ, чтобы я

молчал, накрыли меня рогожкой, а затем сверху забросали травой, сквозь которую я с трудом мог что-то видеть. Это, значит, чтобы в селении не привлекать внимание ко мне. И мы опять поехали. Лошадь, очевидно, поняла, что скоро у нее будет возможность передохнуть. Она весело закрутила хвостом и заметно ускорила свой бег. Вскоре мы подъехали к земляному валу с частоколом. Он окружал селение со всех сторон и защищал жителей поселения от непрошенных посетителей.

ВЖИВАНИЕ И ВЫЖИВАНИЕ

Я сразу понял, что мне предлагают какие-то правила игры. Я не понимал какие, но я их принял. То есть мне предлагали лежать, молча до определенного момента. И я молчал, вглядываясь сквозь мелкие дырочки и щели моего укрытия. Вот телега слегка притормозила, послышались возгласы и реплики встретивших нас у ворот стражников и моих спутников. Затем мы долго петляли по узким улочкам между хижин и, наконец, остановились.

Я видел, как Гурант соскочил с телеги и побежал. Куда я не видел, но очевидно там будет разговор обо мне. Было тихо, спокойно, я лежал в телеге, и опять в голове потекли мысли.

«Итак, что мы имеем?»

А что если все-таки еще раз рассмотреть вариант с розыгрышем.

Видел я не раз эти телешоу. Конечно, ни с Киркоровым, ни с Басковым, ни с Повалий или Лорак они так не поведутся. Себе дороже. Засудят! А вот с Беланом или Кароль могли бы и рискнуть. Ведь на что только не идут эти звезды ради рекламы!

Только вряд ли кто решится пропустить их моим путем. Ведь покажи это плавание вольным стилем в канализации по TV, то потом им не отмыться ни при каких развеселых трюках шоу-программы. Может, просто предполагалось какую-нибудь «звезду» слегка чем-то напоить до отключки, затем положить в те кусты. «Звезда» начинает приходить в себя, а тут и эти «Му-Му» на телеге. А дальше уже все по сценарию. Может, так и было задумано, только я кого-то опередил, ухнул в люк и выскочил в том же месте и в тех же кустах. В общем, «звезды» падают с неба и в кусты, а я как метеор, где упился, там и провалился. Ну, почти там!

А дальше все по сценарию!

Могло такое быть? Могло.

Потом эти двое на телеге как-то сразу там очутились, как рояль в кустах. Они чем-то напоминают Урганта и Цикало. И рост у них такой же, ну, может, несколько тут Цикало повыше, но

когда спорят, ругаются или смеются, так вообще как будто ведут «Большую разницу». Только я их языка не понимаю, да и «мордой лица» они не похожи. А так сзади — не отличишь.

Теперь Кукугла. Да, по пьяне и не такое чудовище можно придумать. А сшить реквизит, затолкать туда 3-4-х студентов, то все остальное уже дело техники.

Могло так быть? Могло!

Эти в воротах с копьями, мечами и луками — тоже не вопрос. Вот только земляной вал с частоколом и поселением периода раннего средневековья — это уже серьезно. Почти перебор! Это же какие бабки надо было вогнать на такое сооружение!

Но есть здесь еще одно «но». За все время ни один вертолет не пролетел над нами, не встретила ни одна телега и ни один всадник или пеший. Как же тогда они снимают все это? Правда, могли понатыкать съемочной аппаратуры по кустам и по деревьям. А снимать можно и по радиокоманде с нашей телеги по ходу перемещения. Могло так быть? Могло.

А еще, когда они пальцы к губам приставили, чтоб помалкивал, я вспомнил одну коротенькую притчу.

Летал себе воробей в удовольствие и весело чирикал. Как-то за свои деньги или кто-то угостил,

сейчас это уже не важно, выпил воробей. И не просто выпил — упился. Сел на ветку, покачался из стороны в сторону и упал на землю. И почти замерз. В это время по дороге проходила корова. Она лихо задрала хвост и разбрасывала свои блины на дорогу. Один из них попал на воробья. Он согрелся, пришел в себя, отряхнулся и зачирикал.

— Как это здорово чирикать, как это здорово, что я смогу снова летать! — и еще что-то в этом роде. А мимо проходила кошка. Она услышала чириканье воробья, прыгнула, схватила и съела его.

Мораль: попал в говно — не чирикай.

А ведь я тоже так и попал! И по самые уши! Как тот воробей. Вот они на это мне и намекнули. Да я и помалкиваю. Не чирикаю! Ведь я правильно рассудил? Ведь пока все так логично!

А что? Заведут сейчас меня в хижину и под вспышками фотокамер:

«Здравствуйте! Вас приветствует передача Розыгрыш!» — проговорят мне и все кончится. И мне сразу предъяву на бабки за выход в телеэфир. А где я возьму столько денег? Ну, есть у меня немного, но придется залезать в долги. Ну, не век же мне кататься здесь на телеге. Уж, лучше летать. И не один год и не два придется отбивать эти бабки. Ой! Скорей бы уж это кончилось!»

— Ты почему вместо дров привез траву? — гневно встретил хозяин дома, вбежавшего Гуранта.

— Рогул! Не кричи! К нам пришла удача! И ты должен нам щедро заплатить!

— Ты в своем уме! За что? За траву? Да за нарушение договора я завтра же тебя отдам Кукугле.

— Ой! Не пугай меня! Там под травой лежит пришелец. Он не наш.

— Ну, и что! Мало их тут приходило, и мы их отдавали Кукугле или продавали в соседнее племя.

— Нет! Нет! Это особенный пришелец. У него волосы как солома желтые!

— Не может быть!

— Может! Может! А тебе и Бару подтвердит, да и сам, если захочешь, сможешь посмотреть и убедиться.

И тут Гурант подробно рассказал, как все это было. Хозяин молча слушал. Но по мере продолжения рассказа он все больше и больше улыбался.

— Он хоть что-то понимает? И как его зовут! — спросил Рогул.

— Нет! Ничего не понимает. Мы с Бару уже начали его обучать нашему языку. Так смешно получается. И зовут его странно — Сэр.

— Сэр? Действительно странное имя.

— Ладно! Ты с Бару укутай пришельца вот

этим полотнищем и занеси в хижину. Но чтоб никто его не увидел.

Меня занесли в хижину и помогли стать на ноги. Предо мной стоял мужчина ниже меня и лет под 40. Я понял, что он будет играть за главного. Рядом стоял мой знакомый — Гурант. Ну что ж подыграю им, сделаю вид, что я им верю. Но все-таки несколько примитивно выглядит этот маскарад с яйцеобразными головами и ушами под чебурашек. Могли бы придумать что-нибудь и пооригинальнее. Ну, давайте быстрее, быстрее доигрывайте свои роли. Мне это шоу уже начинает надоедать. У меня все тело болит, мне бы полежать.

А Рогул, молча с лукавым прищуром, рассматривал пришельца и проговаривал.

— Да, он не старый, хорошо сложен, но какая-то странная одежда на нем, а уши вообще маленькие и дебилно круглые. А волосы, волосы почти как желтые листья осенью. И где вы откопали такого уроды? Ах, да. Ты же рассказывал. Хотя...

— Я — Рогул! Ты — Сэр! — проговорил хозяин, показывая рукой на себя, а потом на меня, — будем считать, что познакомились.

— Рогул, не отдавай его Кукугле! Он нам может пригодиться. Ведь скоро выборы.

— Ладно! Дам я вам 8 гривиков, но чтоб никому ни слова.

— Нет! Это мало! Добавь еще 4. Ведь его же можно использовать как голос на выборах. Ты же обещал.

— Хорошо! Даю вам 15 гривиков, но чтобы ни одна лаялка не узнала, — он задумался на минуту-другую и добавил:

— Послезавтра уже за полдень надо чтобы у реки, где женщины белье полощут, как-то узнали, что у меня в доме или, может, рядом есть кто-то не похожий на дирика. Ну, такой парень с горящими волосами и голубоглазый. Среди нас таких нет.

Он помолчал, пока Гурант переваривал в своей голове эту ситуацию, и потом добавил:

— Только послезавтра обязательно, так как через 8 дней будут выборы старейшин.

Рогул окончательно решил стать кандидатом в старейшины на этих выборах.

Я прислушивался к их разговору, но ничего не понимал. И только по жестикуляции рук и взглядам в мою сторону понимал, что речь идет обо мне. Ну, как бы решалась моя судьба. А вообще мне надоело стоять и слушать все эти переговоры. И ни каких фотокамер, никаких вспышек, никаких репортеров! Я сел на что-то напоминавшее табуретку. У меня внутри будто все опустилось, так как я уже понял,

что никакого «розыгрыша» нет, и не будет. Что все, что было и есть — это правда. И я сидел, неподвижно уставившись бессмысленным взором в пустоту.

Собеседники, глянув на меня, переглянулись и расхохотались.

Это было хорошим знаком. Значит, хоть пытаться меня не будут, а, может, еще и накормят. Да, это сколько же я не ел? Е-мое! Еще вчера вечером как мы «бухали» на расслабоне, так после у меня во рту и ни крошки. Где было у меня вчера, и где я сейчас? Разобраться бы, что и где! Ой! Да как же мне жрать хочется!

Ну, просто телепатия какая-то. Как только вышли из комнаты мои собеседники, ко мне подошла женщина и рукой показала, что бы я шел за ней. В другой комнате стоял стол и вдоль него тянулись деревянные лавки. Но главное, на столе стояла миска, от которой шел пар. Рядом была какая-то зелень и куски хлеба. Я понял, что это для меня, поэтому я сразу сел за стол и начал быстро есть. Я даже не пытался понимать, что это мне напоминало. Из разных дверей торчали любопытные головы и с улыбкой наблюдали за мной. Мне было не до них. Во мне проснулся голод, и я спешил его усыпить!

В комнату зашел хозяин. Крикнул, наверное, что-то типа «Кыш» и все двери захлопнулись. Он

посидел немного, глядя на меня с улыбкой, что-то проговорил и ушел. Потом пришла все та же женщина и повела меня в другую комнату. Там она показала на топчан, затем наклонила голову, прижала к ней ладонь и закрыла глаза. Затем открыла глаза, улыбнулась и вышла. Я не тупой, я все понял.

Спал я долго. Рядом никого. Когда я выглянул в окно, то солнце было уже высоко. Ну, не совсем высоко, но часов 10 утра уже было. Скинув с себя рогожку, я увидел, что я совершенно голый. Осмотрел себя, ощупал. Все было цело и вроде, даже, не кастрировали. Шучу! А что, все можно ожидать от этих чебурашек! На табуретке рядом лежала вся моя одежда выстиранная и высушенная. Блин! Могли бы и погладить! А шо! И когда это они меня раздели? И зачем? Но, вспомнив в какой дряни я «купался» и как от меня парфюмило, протелепатировал своим покровителям свое «спасибо» за оказанный сервис.

Рядом на лавке лежал полиэтиленовый пакет и карманный ножичек. Я сразу схватил полиэтиленовый пакет, раскрыл его и вынул совершенно сухие свои документы: два паспорта — русский и украинский, летную книжку и удостоверение пилота второго класса.

— Так, с документами я не пропаду, — почему-то мелькнула шальная мысль.

— Какими документами? Да эти чебурашки понятия о них не имеют! Хоть бы меня не съели, — мелькнула более здоровая мысль.

Я ощупал свои синяки и ссадины, сочувственно себе улыбнулся и оделся. Все тело болело и шумело в голове. Очевидно, за мной следили, так как только я оделся, в комнату вошел Рогул. Он что-то приветливо улыбаясь сказал, а потом вдруг посерьезнел и, показывая на мои документы и ножичек, стал что-то говорить. Я подумал, что он хотел посмотреть и протянул их Рогулу, но тот испуганно попятился и замахал руками. Странно, чего он испугался? И только когда я положил свидетельства своей личности в карман пиджака, Рогул успокоился, заулыбался и показал мне рукой в сторону двери. Я не тупой и сразу понял, что мне надо идти в ту комнату.

Там на том же столе стояла миска с едой, а у входа на табуретке стоял кувшин с водой, и рядом лежала тряпка. Внизу было что-то похожее на тазик. Хотел сразу сесть за стол, но подумал, а вдруг это тест на дебилность. Поэтому умылся, а потом, уже не спеша, с удовольствием поел. Да, но задарма ведь нигде не кормят! Это только в мышеловке сыр бесплатный. Да и то до определенного момента. Так что от мышки, то есть от меня, тут хотят? И надо же так вляпаться! Ладно, выкрали бы меня? А то сам приплыл! Я вспомнил,

как плыл и расхохотался. А что еще оставалось! Подожду, присмотрюсь. Вот что значит, поел. И мысли появились. Правда, почти дурацкие!

Почему-то в памяти всплыло, что читал я раньше что-то похожее. Ну, были там разные фэнтэзи, в которых описывалось, как люди попадали через портал то в параллельные, то в перпендикулярные миры или еще, куда, но всегда у них было как-то сказочно-цивилизовано. Причем, почти сразу герои натываются как, например, у Г. Харькина в «Перпендикулярном мире», на дебилисто-зеленокожих орков, атлетически красивых и остроухих эльфов, или коротышек гномов и разводят с ними разные приколы. А магии и нечисти там читателю их просто мешками подносят. У кого как! Какому автору чего не жалко! Я только хихикал над такой наивностью и бредятиной, и иногда дочитывал до конца.

А вот теперь сижу и думаю: что мне сейчас делать? Неужели я попал в какой-нибудь параллельный, перпендикулярный, вертикальный или какой-нибудь другой мир? Ничего подобного, в прочитанном мною ранее, я не встречал. Да и портал мне достался слишком уделанный. А за что? И зачем? Ведь я же никому ничего плохого не сделал. Я ведь только к Светке шел! Вот! Блин!

А, вообще-то, если это не хохма, и если я действительно попал в другой мир, то еще не вечер.

Может быть, я кого-нибудь и встречу, кто укажет мне путь обратно! Но через свой портал я домой не пойду! В цивилизацию через канализацию — ни за что! Ну, представьте себе. Нашел его, вышел наверх. И что? Да, такого позора я не переживу. Чтобы потом услышать, что-нибудь похожее на такое:

— А-а-а, так это Сережа!

— Какой Сережа?

— Да из 392 экипажа, пилот 2 класса!

— А! Это тот, кто перепутал все Воды и Медные трубы с канализацией?

— Гы-гы-Гы-гы-гы!!!

Ухохочутся все лет на десять вперед. Нет, уж! Не дождетесь!

Мои размышления пришлось остановить, так как в комнату зашли Гурант, Рогул и женщина, которая меня накормила. Из их разговора, я понял, что ее зовут Карилла. Так вот, они весело о чем-то разговаривали между собой, а потом Рогул, сказал или вернее показал, чтоб я разделся.

— Ну, все, напоили, накормили, теперь кастрируют или зажарят и съедят, — подумал я, снимая с себя одежды.

Когда я дошел до трусов и майки, они дали понять, чтоб я остановился. Рогул осмотрел меня, а Карилла что-то ему объясняла и показывала на

меня рукой. Проговорив еще что-то, Рогоул ушел, а Карилла принесла миску с какой-то мазью и стала замазывать мои раны.

«Фу! Раз лечат, значит, будет отсрочка. Поживу еще!», — промелькнуло в голове.

Потом Карилла завела меня в комнату и показала мне руками, чтоб я лег и спал.

Весь следующий день я сидел в доме или бродил по саду. И все время возле меня были или Гурант, или Бару. Я понимал, что это были мои стерегущие. Но я и не возражал, так как мы пытались общаться и учили друг друга новым словам. Им это нравилось даже больше, чем мне. А я и не сопротивлялся — язык врага или друга надо понимать. На третий день во двор стали заглядывать любопытные. И чем ближе к вечеру, тем их было все больше и больше. Очевидно, в селении слышали обо мне и приходили посмотреть. Е-мое! А на что смотреть? Вот был бы я в своей отутюженной форме, да при фуражке! А так что? Сижу или хожу во всем помятом.

Ой! А с чего это я зафрахерился? Ведь мне ничего не известно. Ничего! Видите ли, форму ему подавай! Подадут! И я задумался. Если даже бежать, то я не знал в какую сторону. Вот, блин!

Как-то раз проснулся я ночью. Прямо на меня через окно смотрела луна. Было полнолуние и,

очевидно, оно меня и разбудило. Я встал и подошел к окну. Все темно-синее небо было усеяно звездами разной величины, и на их фоне величаво плыла желтым блином большая круглая луна. Все спят, кругом тишина и покой. Красиво так!.. Да, но что это случилось с луной? На ней совершенно другие картинки. Привычные темные пятна морей слева исчезли, как и громадный белый лунный кратер на ее нижней «макушке».

И вместо них появились другие изображения.

И со звездами что-то случилось! Я их совсем не узнаю!.. Так! Вот там должна быть полярная звезда. Ее нет! А куда убежали медведи? И вообще здесь совсем другие созвездия и млечный путь, вроде, пропал. Нет! Четвертинка его осталась, но где остальное? Да. Здесь другое небо! Я не мог ошибиться. Атлас звездного неба обоих полушарий мы учили и знали как букварь. Приборы приборами, а по «ориентированию по звездам» мы в Академии сдавали зачет. Так куда же я попал?

Я уже понял, что попал к дирикам с их родоплеменными отношениями — это почти на полторы тысячи лет назад. Но в какой мир? В какую систему? В параллельный мир или перпендикулярный? И кто ж мне ответит? Интернета здесь нет! А «что, где, когда» — здесь тоже не работает. Во, влип! Где дорога в мое прошлое?

«Будем искать», — как говорил известный комик Юрий Никулин. Только где?

Я еще раз посмотрел на небо и, зевая, пошел спать. Тем более луна уже ушла в сторону и не светила в мое окно.

ВЫБОРЫ

Мне объяснили, что выборы совета старейшин здесь проводятся раз в два года. Право быть выбранным имел каждый житель. Для этого за три дня до выборов желающий должен был получить у вождя племени сосновую ветку и ходить с ней по селению, чтобы все могли увидеть кандидата. На площади перед хижиной вождя рисовались меловым порошком белые круги...

Рогул взял меня, Гуранта и Бару для агитационного похода по селению. Он шел с сосновой веткой впереди, всем улыбался, раздавал обещания и отвечал на вопросы или приветствия. Мы были как бы группой поддержки. Так как слухами земля полна везде, поэтому многие пришли посмотреть на пришельца. То есть на меня. Мы шли от дома к дому от улицы к улице и везде нас встречали толпы любопытных. Меня щупали, брали за руки, а многие женщины просто подходили и часто-часто моргали глазами.

Потом мне Бару объяснил, что у дириков

женщина обладает основной инициативой в вопросах знакомств, да и не только. И если она кому-то часто моргает, то это означает, что он ей понравился. Здесь говорить не принято. Если он, например, ее в упор видеть не хочет, то смотрит не мигая. Моргнул в ответ раз или два — готов поддерживать дружеские отношения. А если моргушек более пяти, то можно, хоть сразу, простите, в кусты или к себе в хижину ее тащить.

Так возле меня все время стояли стаи моргушек. Одни шли с нами все время, другие отходили, уступая новым любопытным. Меня сразу предупредили не моргать. Правда, я несколько раз не стерпел и моргнул. Ой, сколько радости это вызвало в толпе. В, общем, мы пользовались успехом. Рогул уже понимал, что благодаря мне он сможет проскочить в старейшины. Так и прошли эти три дня в хождении, не частом моем моргании и в обещаниях Рогула выполнить пожелания тех, кто подходил к нему с просьбами или вопросами.

Наступило утро выборов. Все население собралось по краю площади. Толпа гудела как растревоженный улей. Но вот ударили барабаны, и все стихло. Из хижины вышел вождь племени. Сразу же к нему присоединились старейшины в белых плащах, и все они направились к навесу. Там вождь уселся, возле него по краям стали

старейшины, и снова загремел барабан.

На площадь вышел Колдун. Он что-то проговаривал и слегка бил в бубен. Может, с тех давних пор и дошло до нас выражение «бубнить» о чем-то. Но вот Колдун громко закричал и, сильно ударяя в бубен и приплясывая, пошел по кругу. Он вертелся, подпрыгивал, вздымал руки кверху, падал на колени и снова вскакивал. Он все время что-то наговаривал и напевал, а затем остановился и прокричал:

— О! люди нашего племени! Славные Дирики! Добрые Духи услышали меня! Они разрешили проводить нам выборы старейшин. Они проследят, чтобы выборы были справедливыми. Идите и выбирайте! Самых достойных и самых мудрых!

Снова бьют барабаны, и помощники Колдуна разводят по белым кругам кандидатов с веточками сосны в руках.

Я тоже стою с Рогулом в белом кругу. По правилам, кандидату можно было взять с собой не более двух близких людей. Рогул взял меня и Гуранта.

По краю площади шумит, волнуется толпа и разглядывает стоящих в кругах кандидатов. Шум несусветный! Все показывают на поле руками, что-то кричат, кого-то убеждают, а то и просто

обсуждают это событие. Я видел, что многие смотрели в нашу сторону и показывали на меня. Особенно женщины. Они махали мне руками, моргали, что-то кричали и смеялись.

Ударила барабанная дробь. Смотрины закончились, и толпа повалила на поле. Каждый уже выбрал своего покровителя, своего кандидата и становился к нему в круг. Кто-то определился сразу, а некоторые перебежали от круга к кругу, прислушиваясь к тому, что там сулил кандидат. Возле нашего круга была толчея. Он не вмещал всех желающих. Тем более, что многие протискивались ко мне, чтобы потрогать меня, пощупать или поморгать. Смех крики, возгласы, чьи-то речи. Все что-то спрашивают, что-то говорят. Хоть стой, хоть падай! Наш кандидат был на грани нервного срыва и стоял еле живой. Это были его первые выборы.

Снова удар барабана. Это был знак, что надо определиться, кто и к кому, потому что после пятого удара запрещалось перемещаться. Все должны быть в круге или возле него, как в нашем случае. Наш круг не вмещал всех желающих. А ведь были круги, в которых стоял только один кандидат с веточкой или с несколькими выборщиками.

Помощники Колдуна пересчитали, сколько выборщиков находится в каждом круге, и объявили

шесть кандидатов, набравших наибольшее число выборщиков. Тот, кто набрал больше всех, назначался главой над старейшинами. Это был Рогул.

Ура! Мы победили! Я даже не заметил, как меня увлек азарт этой игры. Я радовался так, как будто жил здесь сто лет. И каждый год выбирал и выбирал.

После этого были пир на свежем воздухе и массовые танцы. Поляну накрывал вождь племени. Таков был обычай.

А вообще у дириков выборы намного демократичнее, чем у нас. Ну, здесь сразу видно у кого, сколько сторонников и кто победил. А то вечно у нас крики от оппозиции о фальсификациях и подставах. Причем оппозиции не видать — одни крики! А тут оппозицию сразу видно. Как стоит возле сосновой ветки человек пять-десять, так это оппозиция. И кричи не кричи — все на виду. Очень все прозрачно! Конечно, при таком количестве народу у нас там так не получится. Но сколько я раньше ходил на выборы, никакой фальсификации не видел. В основном, видел, что число наблюдателей часто превышало число людей, находящихся в зале голосования.

А почему бы не сделать так, как предлагалось в одном из проектов. Электронный счетчик

фиксирует каждого вошедшего голосовать. Ему дают при регистрации магнитный определитель. С ним он входит в кабину и прикладывает к фамилии избранного кандидата и только один раз. На выходе он сдает магнитный определитель, который сразу же погашается. Все это видно на мониторе в зале. Там же отражается, сколько проголосовало и за кого. Электроника быстро бы посчитала, и практически не было бы поводов для крика о фальсификациях.

Ну, это так, размышлизмы! Да, что это я? Совсем сдвинулся!

Размечтался! И вообще, зачем мне это все надо. Где я, а где они!

МАЛЕНЬКИЕ РАДОСТИ И БОЛЬШИЕ ИНТРИГИ

Весь следующий день был просто классный.

С утра Рогоул был на посвящении в старейшины у Вождя, потом на первом заседании старейшин. Пришел он весь сияющий и очень довольный. Он обнял меня, дружески похлопав по плечам, выдал Гуранту и Бару по 20 гривиков, а затем позвал нас троих на праздничный обед в честь своего избрания. Гурант и Бару были на седьмом небе от счастья, так как они уже почти и не рассчитывали на ранее обещанное вознаграждение,

а тут еще и званый обед, да еще в такой семье. Было человек 25–30. На столах было и холодное, и горячее и даже что-то горячительное. Я решил не пить, так как знал, чем это может кончиться. Да и где я еще потом выплыву? Решил не рисковать.

После торжественных речей, где-то уже после пятой, пошли общие разговоры, и кто-то пытался даже запеть. Интересно мне было. Я впервые наблюдал, как люди напиваются и постепенно глупеют. Глупые выражения лица, дурацкие жесты, громкие разговоры и дебильное песнопение — все это меня вначале очень веселило, а затем стало скучно и неприятно. Я понял, как это трудно находиться в пьяной компании тверезому человеку. Да ему просто там не должно быть места!

Мне несколько раз предлагали выпить, но я отказывался, показывая рукой на голову. Все понимающе кивали головой и опять перед каждым тостом предлагали выпить. Господи, какая это пытка! В это время кто-то зашел с непонятным предметом в руках. Он напоминал по внешнему виду гитару, только о трех струнах. Все стали кричать что-то ему. Ну, наверное, уговаривали сыграть. И он заиграл и запел. Интересный был мотив, и ритмы мне понравились!

Кто-то заметил мой интерес и предложил мне «гитару». Я заколебался и мне тут же подали наполненную чашку. Я как-то по инерции или для

храбрости выпил, под восторженные крики, и попытался играть. Вначале ничего не получалось. На трех струнах я никогда не играл. Это как надо тогда упиться, чтобы согласиться играть? А тут я выпил только один стакан! Но вскоре я поймал ритм, и у меня получилась мелодия типа танго. Все опять захлопали, закричали и...подали еще чашку. Общество мне нравилось, я его зауважал, и уже не мог не выпить. И тут меня как понесло. Я как заорал:

Эх! Раз! И не раз!
Мы летали на Кавказ
Украина, ты
свободна
За границей все
сейчас.

Что тут было! Все повыскакивали с мест и начали, притопывая, кричать:

— Э! Рас! Э! Рас! Э
Какас!
— Э! Рас! Э! Рас! Э
Какас!
— Э! Рас! Э! Рас! Э
Какас!